

Жарова Олеся Сергеевна

ОТ ЛОЖНОЙ ЭКЗИСТЕНЦИИ К ПОДЛИННОМУ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОМУ СУЩЕСТВОВАНИЮ

В статье рассматривается проблема отчуждения человека от общества и от самого себя в своей экзистенции, причиной которого является замещение подлинного экзистенциального существования ложной экзистенцией, сформированной под воздействием массового бытия. Автор анализирует возможные способы реализации истинной экзистенции. Одной из форм такой реализации может быть фольклор.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/6-2/20.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (20): в 2-х ч. Ч. II. С. 82-84. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 130.122

В статье рассматривается проблема отчуждения человека от общества и от самого себя в своей экзистенции, причиной которого является замещение подлинного экзистенциального существования ложной экзистенцией, сформированной под воздействием массового бытия. Автор анализирует возможные способы реализации истинной экзистенции. Одной из форм такой реализации может быть фольклор.

Ключевые слова и фразы: экзистенция; ценности; отчуждение; фольклор; индивидуальное и общественное.

Олеся Сергеевна Жарова

Кафедра философии

Пензенская государственная технологическая академия

biryuza8@yandex.ru

ОТ ЛОЖНОЙ ЭКЗИСТЕНЦИИ К ПОДЛИННОМУ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОМУ СУЩЕСТВОВАНИЮ[©]

В своем личном бытии человек живет в сообществе с окружающими людьми. Однако в рамках экзистенциальной философии сообщество в отдельных случаях рассматривается, как нечто способное разрушить ценности индивида, нечто мешающее личному бытию раскрыть себя, достичь своей экзистенции, своего подлинного существования.

Если говорить о ценностях, то они в данном случае являются точкой пересечения субъективной реальности и объективной, внутреннего и внешнего, единичного и всеобщего бытия. Осмысление ценностей, впитываемых индивидом, приводит к пониманию процесса вхождения индивидуального сознания в общественное.

В наиболее широком смысле ценность может быть определена как ориентир деятельности личности и общества, определяющий направление саморазвития, воплощающий в себе субстанционально-значимые идеи человеческой экзистенции, его желание смысла и совершенства в бытии [1, с. 12-13].

Однако зачастую, когда человек живет в некоем сообществе, выходят на первый план и движут человеком ценности общественные, но не личностные. В этом случае человек чувствует угнетение со стороны внешнего «массового» бытия, что мешает развитию его внутреннего индивидуального бытия. Общество стремится «подмять» личностное бытие человека «под себя», лишая последнего возможности самораскрытия; трансформировать его собственное Я, заставляя поддерживать наличествующие в обществе традиции, знания, формы консолидации и т.д.

Мартин Хайдеггер говорит о сфере «*man*», обозначающей нечто безличное, довлеющее над свободой и побуждениями личности. Это то, что мешает индивиду выделиться из массы, то, что движет им в повседневном бытии, стирает его особенности. Человек не является самим собой, в нем живет «*man*», он погружен в массовое бытие.

Бытийность «*man*» Хайдеггер определяет через такие опасные для личности аспекты как молва, любопытство и двусмысленность. Опасность молвы заключается в поверхности восприятия чего-либо происходящего, усвоения без его истинного первоначального смысла, истолкования дела исходя из собственного к нему отношения. Такое непонимание, «извращение истины» с дальнейшим проговариванием уплотняется и превращается уже в «голую молву» [Цит. по: 3, с. 70-71]. Молва же способна перерасти в любопытство, основывающееся на погоне за поверхностными фактами, насыщении интересной, но лишенной истинного глубинного смысла информацией. Любопытство вовлекает человека в состояние суесть.

Пожалуй, самым опасным проявлением «*man*» Хайдеггер называет «двусмысленность», мешающую отделить истинное от ложного, «подлинное» от «неподлинного». Опасность состоит в том, что сам индивид порой не в состоянии отличить голую молву от правдивого факта, любопытство от настоящих глубоких побуждений. Зачастую то, что кажется подлинным, перестает быть таковым.

Так, Хайдеггер говорит о существовании двух бытийных противоположностей: подлинности и неподлинности [Цит. по: Там же, с. 53].

Когда сообщество навязывает индивиду, оказавшемуся в нем, свои правила, традиции, ценности и т.д., которые часто не совпадают с его личностными, экзистенция индивида нарушается и замещается в подобной ситуации ложной или неподлинной экзистенцией. При этом индивид не может быть в полной мере собой, исполняя всего лишь социальную роль в том обществе, в котором находится, не имеет возможности раскрыться как целостная личность со своими подлинными мыслями, эмоциями, поведением, тем самым подавляясь его аутентичность.

Согласно Хайдеггеру, «устройство человеческого существования таково, что человек легко скатывается, падает в сферу несобственного существования, в повседневность, где он живет не как человек, но как “некто” или “люди”... Повседневность рассматривается как несобственная, неподлинная форма временности» [5, с. 234].

Таким образом, человек становится отчужденным от общества в своей истинной экзистенции. Общество со своими законами начинает его отлучать от себя.

Эрих Фромм понимает под отчуждением «...такой способ восприятия, при котором человек ощущает себя как нечто чуждое. Он становится не властен над своими поступками, а наоборот, начинает подчиняться им. Отчужденный человек утрачивает связь с самим собой и становится неспособным в полной мере понимать как себя, так и окружающую его действительность» [4, с. 142-143].

В данном случае мы говорим об отчужденности индивида от общества в экзистенциальном плане, поэтому имеет смысл заострить внимание на феномене экзистенциального отчуждения. Следует сказать, что отчуждение может быть как положительным, так и отрицательным феноменом.

Так, например, во взглядах Э. Фромма «любой невроз можно считать следствием отчуждения». Отчуждение – болезнь личности, своеобразная сердцевина «психопатологии современного человека». По мнению Э. Фромма, «душевнобольной – это человек, абсолютно отчужденный; он полностью перестал ощущать себя средоточием своего собственного восприятия; он утратил чувство самости» [Там же, с. 147].

Таким образом, экзистенциальное отчуждение человека может негативно сказаться на его психическом состоянии. Иррациональность последствий может включать отклонения в мышлении и патологические состояния сознательной деятельности. Одновременно в ситуациях экзистенциального отчуждения может возникнуть переосмысление индивидом ценностей, перерастающих в некую девиантность.

Вместе с тем положительная сторона экзистенциального отчуждения заключается в том, что оно раскрывается через экзистенциальные переживания, выражающиеся в желании осмыслить и внести значимость в личное бытие, в желании к самораскрытию и самоопределению. Экзистенциальные переживания и являются побуждением к достижению подлинной экзистенции.

Подлинной экзистенцией можно назвать реализованный в полной мере способ существования индивида и можно обозначить ее как экзистенциальное существование.

По определению Отто Больнова, «...экзистенциальное существование являет собой мыслительное выражение совершенно определенного решающего переживания в человеке, которое выделяется из всех моментов неопределенности и нерешительности остальной жизни характером неоспоримой окончательной отрешенности» [3, с. 28]. То есть, экзистенциальное существование вырастает из экзистенциального переживания.

В этом случае человек стремится достичь своего подлинного существования, освободиться от «map», вырваться из-под гнета сообщества, освободиться от воздействия массового бытия и тем самым воскресить возможности и стремления, заложенные в нем внутри, раскрыть сущность своего Я. «Всеобщий мир» или окружающая действительность в этом случае образуют задний план для экзистирующей личности.

Возможность достижения экзистенциального существования открыта лишь для находящейся в полном экзистенциальном отчуждении души, поэтому человек в своем экзистенциальном существовании является настолько отброшенным внутрь себя самого, что все отношения с сообществом выглядят несущественными.

Экзистенциальное существование понимается не как нечто, данное человеку от природы, а как нечто собственно достигаемое, реализуемое. «Экзистенциальное существование являет собой цель, которая представлена реализующемуся личному бытию в качестве собственной возможности» [Там же, с. 52].

Под собственной возможностью понимается то, что нет непреодолимых преград для того, чтобы осуществить прорыв личности к истинной экзистенции, необходимо лишь подобрать метод для ее достижения. Человек, живя в обществе, пытается реализовать свои жизненные устремления, самореализоваться, раскрыть свое Я. Так индивид для реализации своего способа существования может выбрать, например, такую форму реализации как виртуальный мир, исходя из своих возможностей. Информационное общество «предлагает», к примеру, Интернет. Если же человеческая жизнь проходит в месте, где виртуальное пространство недоступно, то свои потребности он сможет реализовывать, к примеру, в фольклоре или еще в каком-либо виде творчества и т.п. Это может быть социально отдаленное пространство сельской местности либо иная социальная изоляция.

В этом ключе можно сказать, что реализация экзистенции есть борьба, стремление преодолеть навязывающее свои принципы бытийности «map», поиск своего способа существования. В качестве альтернативы реализации экзистенции рассматривается вариант, когда человек, не имеющий других возможностей к раскрытию своей аутентичности, начинает заниматься охотой, убивая животных, или ощущает потребность заниматься земледелием, скотоводством, тем самым становясь ближе к своему истинному Я.

Также человек при реализации своей истинной экзистенции может прибегнуть к схеме «экзистенция – игра». Так, например, человек, живя в обществе, может жить обманом, аферой. Человек играет в социальном пространстве определенные роли, это диктуется последним, принимая новые правила игры. Внутренне он сохраняет свою истинную экзистенцию. Примером может служить человек, в обществе позиционирующий себя как атеист, а приходя домой, читающий молитвы и являющийся неформально верующим. Если говорить о фольклоре, то в нем человек, принимающий участие в ритуале по задабриванию опасных духов природы коллективно, может индивидуально, наоборот, оценивать негативно возможности этих духов.

Однако существует вероятность того, что человек в своей игре может «подстроиться» под влияние сферы «map», и тогда уже стоит говорить не о ложной, а о «наигранной» экзистенции. Человек, принимая правила системы, сам может влиять на нее, сам становится распределителем своих духовных потребностей. Игровая определенную роль в обществе, между «подлинным» и «неподлинным» стираются грани, и истинная сущность человека становится неразличимой с этой ролью.

Другим способом реализации истинного способа существования может стать вариант агрессора или тирана.

В поисках подлинности бытия, в стремлениях достижения аутентичности для индивида в современных условиях наиболее приемлемой формой реализации истинной экзистенции, на наш взгляд, видится возможность

образования субкультурных локальных отсеков. Индивиды при этом создают свой мир, в котором они устанавливают свои правила игры, свои нормы, традиции и т.д. В рамках выбранного субкультурного направления они все одинаковы, со своими принципами и убеждениями. Они самостоятельно могут выработать свои взгляды, свои представления, например, о добре и зле. Если общая система создает представления со знаком «плюс» для определенного явления, у конкретного человека в своем субкультурном отсеке это же явление может рассматриваться со знаком «минус».

Таким образом, можно предположить, что фольклор, а на современном этапе и постфольклор, являются тем необходимым средством для достижения подлинного существования, которое позволяет индивиду выделиться из массы. Проблема становится все более актуальной в контексте современной действительности, когда грани индивидуальности все больше стираются, современный человек мыслит алгоритмами. Будучи заключенным в строгое социальное пространство, он является частью системы, частью повседневного бытия, и чувство экзистенциального отчуждения заставляет его сомневаться в истинных целях своего существования, становится преградой или же возможным толчком на пути к достижению экзистенциальной сущности, достижению подлинного бытия.

Список литературы

1. **Баева Л. В.** Информационная эпоха: метаморфозы классических ценностей: монография. Астрахань: Издательский дом «Архангельский университет», 2008.
2. **Бинсвангер Л.** Бытие-в-мире. М. – СПб.: Ювента; КСП+, 1999. 300 с.
3. **Большов О. Ф.** Философия экзистенциализма. СПб.: Лань, 1999. 224 с.
4. **Фромм Э.** Здоровое общество. Догмат о Христе / пер. с нем. М.: АСТ; Транзиткнига, 2005. 571 с.
5. **Хайдеггер М.** Бытие и Время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.

FROM FALSE EXISTENCE TO TRUE EXISTENTIAL BEING

Olesya Sergeevna Zharova

Department of Philosophy

Penza State Technological Academy

biryuza8@yandex.ru

The author considers the problem of man alienation from society and himself in his existence, which reason is the replacement of true existential being with false existence formed under the influence of mass being, analyzes the possible ways of true existence realization, and shows that folklore might be one of the forms of such realization.

Key words and phrases: existence; values; alienation; folklore; individual and public.

УДК 908

В данной статье рассматриваются малоизвестные эпизоды общественной и литературной деятельности писателя и историка Д. Л. Мордовцева, которая на протяжении 50-60-х годов XIX века была связана с Саратовом. В Саратове Д. Л. Мордовцев редактировал местную губернскую газету, активно участвовал в деятельности общественно-политического кружка, создал в Саратове на местном материале ряд очерков о народных движениях в Саратовском Поволжье.

Ключевые слова и фразы: Саратовские губернские ведомости; провинциальная интеллигенция; обличительные выступления в газете; студенческие и гимназические кружки; восстание Е. И. Пугачева; волжские разбойники.

Вадим Михайлович Захаров, к.и.н., доцент

Кафедра истории и теории общественного развития

Волгоградский государственный университет (филиал) в г. Урюпинск

Hoper_Zaharov@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Д. Л. МОРДОВЦЕВА В САРАТОВЕ[©]

На протяжении длительного времени жизнь и общественная деятельность известного русского писателя, автора многочисленных исторических романов и исследований о народных движениях Д. Л. Мордовцева была связана с Саратовом.

Сюда он попал четырнадцатилетним мальчиком, поступив в 1844 году в местную гимназию. Хотя Саратовская гимназия не отличалась высоким качеством преподавания, Д. Л. Мордовцев вынес из гимназии